

BARTOSZ OSIEWICZ
UAM Poznań

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЕРВОЙ ТАМИЗДАТСКОЙ ПУБЛИКАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЙ ВЛАДЛЕНА ГАВРИЛЬЧИКА

В русской поэзии оттепельного и постоттепельного времени выделяется немало количество различных школ и направлений, как официального, так и полуофициального или неофициального характера. Рядом с такими магистральными поэтическими течениями, как разрешенная советским государством лирика поэтов-шестидесятников или полуполегалное песенное творчество бардов, бурно развивалась подпольная поэзия постмодернистского характера. Именно благодаря ее масштабу, в 80-е годы прошедшего столетия, российский литературовед-культуролог-эмигрант Михаил Эпштейн заговорил о «новых русских поэзиях», создавая их «каталог», который, по мнению ученого, «можно было бы продолжить еще десятком или даже сотней поэзий»¹. «Закрытые» поэты, не дождавшиеся публикаций своих стихотворений в официальных советских издательствах, были вынуждены отдать свои произведения либо самиздату, либо тамиздату, благодаря которым их художественное слово могло добраться до читателя. Распространявшиеся в списках сочинения, часто получали всенародное признание, однако их авторы неоднократно оставались анонимными (интересен пример диссидентствующего поэта и барда Юлия Кима, многие песни которого потеряли авторство и считались народными). Зарубежные публикации, преимущественно возникавшие без ведома и согласия авторов произведений, произвольно гаран-

¹ М. Эпштейн, *Каталог новых поэзий* // того же: *Современная русская поэзия после 1966. Двухязычная Антология*, Обербаум верлаг, Берлин 1990, <http://modernpoetry.ru/main/mihail-epshteyn-katalog-novyh-poezii> (8.03.2019).

тировали им известность в среде эмигрантов и западных любителей независимой русской культуры до того, как нелегально попадали в Советский Союз, чтобы читаться в интеллигентских кругах и, увы, не скрываться от глаз «комиссаров литературы», что, в свою очередь, часто вызывало отрицательные последствия для запрещенных писателей, публиковавшихся за границей (трагичен казус Варлама Шаламова, тамиздатские публикации которого разрушали цельность его художественного мира, что раздражало автора *Колымских рассказов*, способствовали возникновению сплетен о «гонорарах в валюте» и, в конечном итоге, заставили писателя опубликовать самокритику на страницах режимной «Литературной газеты»²).

В истории тамиздата существенное место занимает дата 1977 года. Именно тогда в Париже вышел в свет литературный альманах «Аполлон-77», главным редактором которого был проживающий поныне в эмиграции российский художник и скульптор Михаил Шемякин. Он выступил тоже в качестве автора обложки и иллюстратора многих литературных произведений писателей, печатавшихся в этом альманахе. Неоспоримой заслугой Шемякина было воскрешение в новых условиях авангардного проекта Серебряного века, каким был «Аполлон» 1910-х годов³:

Предпринимая эту неимеющую прецедента акцию на свои личные деньги (а не на средства КГБ или компартии Марса — стукнем сразу по чешущимся языкам) — пишет во вступительной статье к альманаху Владимир Петров — художник Михаил Шемякин считает ее своей СВЯТОЙ ОБЯЗАННОСТЬЮ перед всеми соратниками и единомашленниками «здесь» и «там». Обязанностью, освобождающей его от необходимости считаться с чьим бы то ни было мнением, будь то в аспекте политическом, идеологическом или, тем более, эстетическом⁴.

«И вот он перед нами, молодой красавец Аполлон-77, герой не только дня, но и мгновения минуты, райская стрижка, фасон

² См. F. Apanowicz, „Nowa proza” Warłama Szalamowa. *Problemy wypowiedzi artystycznej*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 1996, с. 49.

³ Ср. *Almanachy/Альманахи* // T. Klimowicz, *Przewodnik po współczesnej literaturze rosyjskiej i jej okolicach (1917–1996)*, Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, Wrocław 1996, с. 15–16; *Apollon-77* // W. Kasack, *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku od początku stulecia do roku 1996*, перевод, разработка, польская библиография и именной указатель В. Kodzis, Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, Wrocław–Warszawa–Kraków 1996, с. 36.

⁴ В. Петров, *В порядке информации*, «Аполлон-77», с. 7.

полубог»⁵ — так качества возобновленного литературного проекта метафорически славил Владимир Марамзин. Владимир Максимов, в свою очередь, отметил, что благодаря альманаху, являющемуся «внушительной и волнующей панорамой нового, ищущего непокорного искусства», «Читатель имеет также возможность познакомиться [...] и с совершенно новыми творческими голосами», и — по мнению эмигранта третьей волны — «не пожалеет об этом»⁶. Одним из этих голосов было художественное слово Владлена Васильевича Гаврильчика (1929–2017) — мастера пера и кисти, яркого представителя ленинградского андеграунда. Его стихотворения, как и произведения других авторов, проживающих в Советском Союзе, печатались в альманахе без его ведома, о чем сообщали редакторы «Аполлона-77». Для публикации они выбрали 20 стихотворений (*Спецстихи; Период захолнца. Пора лирмгновений...; Была зима! Шумела ель...; Мальчик рылом роет книжку...; Вдоль по улицам гуляют...; Молодые организмы...; Слон, как салон-вагон...; ...и тонким пальцем колупал...; Тов. Махалкин запрягает лошадь белую в телегу...; Вот пришли они в кабак, чтоб исполнить краковяк...; Шкандыбаю мимо окон...; Японский бог, благословляя землю...; Человек, томим талантом...; Я прибыл к тебе на предмет поцелуя...; Как-то будучи с похмелья...; Там где волны голубые среди камешков шалют...; Как по морю синему...; Я по Невскому гулялся...; Славен город Замудонск...; Колбасники, едритвою...), первоначально вошедших в авторский самиздатский сборник *Бляха-муха изделия духа*. Они предварялись фотографией Гаврильчика, авторства Г. Приходько⁷, рисунком художника Олега Григорьева и кратким очерком жизни-творчества ленинградского поэта-примитивиста, созданным Владимиром Петровым.*

Владимир Петров, подражая поэтическому стилю Гаврильчика, ознакомил читателей с яркой личностью поэта-примитивиста, у которого «взгляд лесного колдуна, упрятанный в заросли бороды, словно в тину вод и подколотных топей» и который «строчит [...] две поэзы: „Алые пениса” и „Вишневы зад”»⁸. По-

⁵ В. Марамзин, *Орбита «Ароллона-77»*. Как известно, несравненная богиня рождалась заново..., «Аполлон-77», с. 3.

⁶ В. Максимов, *Орбита «Ароллона-77»*. И так — Аполлон-77..., «Аполлон-77», с. 3.

⁷ К сожалению, не удалось определить имени автора.

⁸ В. Петров, *Он из древнего рода Распутиных...*, «Аполлон-77», с. 143.

сколько художественная деятельность «патриарха питерского нонконформизма» была известна лишь узкому кругу посвященных, Петров счел своим долгом сообщить «неосведомленным» жителям свободного мира, что «ишшо люди добры говорить Гаврильчик той стихи пишеть. Зело язык вострый у него. За словом или рифмой к тебе в карман не полезет»⁹.

В опубликованных в «Аполлоне-77» стихотворениях Гаврильчика, довольно легко обнаруживаются основные черты его поэтики. Автор не претендует стать ангажированным поэтом, художественное слово которого используется в политическом дискурсе. На самом деле Гаврильчик является трибуном поэтической свободы, как в формальном, так и содержательном отношении. Его литературные поиски находят свои корни в детской невинности и наивности, на которые ориентируется поэт, продолжая тем самым литературную традицию русского авангарда. Читая стихотворения Гаврильчика сразу складывается впечатление, что он использует свойственный обэриутам опыт. Здесь следует, однако, сделать оговорку и подчеркнуть, что этот опыт, скорее всего, имеет свои корни не столько в самом литературном наследии Даниила Хармса, Александра Введенского или Константина Вагинова (их «несвоевременное» авангардное творчество, в сталинский период ставшее предлогом для арестов и репрессий, расхищалось в списках, а увидело свет лишь на волне «возвращения литературы» во время горбачевской «перестройки» и маловероятно, чтобы Гаврильчик мог прямо подражать их писательскому почерку, работав над своими ранними стихами в 60-е и начале 70-х годов), сколько в аналогичном типе художественного мышления, схожей чувствительности, сходном чувстве юмора, свидетельствующим о подспудном и неосознанном литературном родстве. К этому следует добавить, общую для поэта-примитивиста и обэриутов связь с пародистом Козьмой Прутковым. Его имя упоминается швейцарским славистом Жан-Филипп Жаккаром, подчеркивающим влияние Пруткова на Даниила Хармса, Николая Олейникова, Николая Заболоцкого¹⁰. Комическое начало пародийных стихотворений Пруткова, «коллективными отцами» которого были поэты-юмористы

⁹ Там же.

¹⁰ Ж-Ф. Жаккар, *Даниил Хармс и конец русского авангарда*, перевод с французского Ф.А. Перовской, «Академический проект», Санкт-Петербург 1995, с. 336.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЕРВОЙ...

XIX столетия — граф Алексей Константинович Толстой и братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы, снабдившие его датами рождения и смерти, придумавшие его биографию и сочинявшие за него стихотворения¹¹, является общим элементом обэриутских и гаврильчиковских сочинений. Гаврильчик основой своего художественного мира сделал абсурд и алогизм. Однако у поэта они не имеют «миметического» характера, поскольку писатель не воспроизводит абсурдов алогичной советской реальности, а сам создает абсурдные и алогичные сюжеты и ситуации. Комический эффект во многих его произведениях образуется благодаря использованию инфантильной тематики и сказового слова. Интересным примером является стихотворение *Я по Невскому гулялся...*, в котором поэт разрабатывает не претендующий на серьезность сюжет, подражая при этом косноязычной русской речи немецкоязычного иностранца:

Я по Невскому гулялся
С майне спаниель Тузик,
В атмосфере раздавался
Радиомузик. [...]

Но в течение прогулки
Майне спаниель
Сделать очень неприлично
Прямо на панель. [...]

Я такой себе подумаль
И сказала: «что ж,
Айне твой, Тузик, поступок
Очень некарош!»¹².

Иногда поэт в этой стилистике рассказывает об отнюдь не веселых событиях. В стихотворении *Была зима! Шумела ель...*, повествующем о роковом для Александра Пушкина поединке, залогом пародийности является несовпадение планов содержания и выражения: «Он пистолеты заряжать / и думаль Дантеса стрелять. / Но Дантес целится зер-гут: / Ба-бах! и Пушкину капут. / Увы и ах! погибли бард / И знаменитый бакенбард»¹³. Пародийное слово Гаврильчика уходит и вглубь литературной традиции,

¹¹ Вл.И. Новиков, *Козьма Прутков // того же: Книга о пародии*, Советский писатель, Москва 1989, с. 377.

¹² В. Гаврильчик, *Я по Невскому гулялся...*, «Аполлон-77», с. 147.

¹³ Того же, *Была зима! Шумела ель...*, «Аполлон-77», с. 144.

осмысляя смерть поэта в интертекстуальном ключе творческого диалога с классикой: «Погиб поэт! — невольник чести — / Пал, оклеветанный молвой, / С свинцом в груди и жадной мести, / Поникнув гордой головой!.. / Не вынесла душа поэта / Позора мелочных обид, / Восстал он против мнений света / Один как прежде... и убит!»¹⁴.

Разрушая языковые нормы, Гаврильчик намекает на роль, которую сыграла в процессе обесценивания слова новая советская действительность. В стихотворении, получившем аббревиатурное заглавие *Спецстихи*, мастер пера и кисти пишет выдержанную в манере жанровой живописи картину просыпающегося рабочего дня. Он использует при этом и свойственные совковому языку выражения («Торжественно всходило „Ленгорсолнце”, / Приятный разливая „Ленгорсвет”»¹⁵), и интертекстуальные отсылки к шедеврам официальной культуры советского времени («И я сижу в трамвае увлеченный / порывом трудового вихря, / хороший и ни в чем не уличенный, / читая книжку про майора Вихря»¹⁶). В этом идейно-стилистическом ключе написано и стихотворение *Период захсолнца. Пора лирмгновеней...*, в котором Гаврильчик издевается над искренней верой в светлое будущее («Теперь захсолнца, но верю, что скоро / И всенепременнейше кончится ночь, / И залпом лучей молодая Аврора / Всю прошлую тьму ликвидирует прочь!»¹⁷). У художника-примитивиста наблюдается и шуточная трактовка официального идеологического дискурса, в котором воинствующий атеизм разрушает религиозные ценности, ассоциирующиеся со старинными дооктябрьскими временами: «В темном космосе летают / Лишь комиссии планет / В небо я смотрю и знаю, / Что в пространстве бога нет. / Все в душе моей ферштейн: / Бога нету — есть Эйнштейн!..»¹⁸.

В отдельных стихотворениях Гаврильчика слышен ритм частушки и детских считалок, отсылающих к народной поэзии и лирике русского авангарда. Они сохраняют свою музыкальную

¹⁴ М.Ю. Лермонтов, *Смерть поэта* / того же, *Стихотворения. Поэмы. Герой нашего времени*, АСТ-ЛТД, Москва 1997, с. 49.

¹⁵ В. Гаврильчик, *Спецстихи*, «Аполлон-77», с. 144.

¹⁶ Там же.

¹⁷ В. Гаврильчик, *Период захсолнца. Пора лирмгновеней...*, «Аполлон-77», с. 144.

¹⁸ Того же, *Вдоль по улицам гуляют...*, «Аполлон-77», с. 145.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЕРВОЙ...

родословную, главным образом, благодаря наличию словесных и звуковых повторов, в виде анафор и эпифор. Своим содержанием, в свою очередь, они похожи на шутки-прибаутки, восходящие к детскому инфантильному фольклору:

Как по морю синему
Плыли две букашки.
Плыли две букашки
На большой какашке.

С ними повстречалась
Страшная медуза
Страшная медуза,
Толстая, как пузо. [...]

Как букашки закричали
Как ногами застучали
Тут медуза испугалась
И тотчас ретировалась¹⁹;

Слон, как салон-вагон
Очень он силен!
Представьте ж!
Насколько сильна
Любовь у слона!²⁰;

Молодые организмы
Залезают в механизмы
Заряжают пулеметы
Отправляются в полеты²¹.

В лирике ленинградского примитивиста особо выделяются любовные стихотворения. Страстные и переполненные глубиной чувств сочинения, являются однако попыткой деконструировать этот восходящий к античной литературе жанр, в силу своего шуточного характера. Он проявляется, между прочим, смешиванием высокого и низкого стилей:

Я изумленный, радостно приемлю
Твоих грудей невинные соски
В моей душе симфонии играют
Большое нечто происходит в ней

¹⁹ Того же, *Как по морю синему...*, «Аполлон-77», с. 147.

²⁰ Того же, *Слон, как салон-вагон...*, «Аполлон-77», с. 145.

²¹ Того же, *Молодые организмы...*, «Аполлон-77», с. 145.

Любимая моя меня лобзает
И посвящает в таинство груди

Различные условности забыты
Одежды сняты с тела снят запрет
Ты гредишь и глаза твои закрыты
Моей любви божественный предмет
Ах! если бы еще летать я мог²².

Я прибыл к тебе на предмет поцелуя
В хорошем костюме с цветами в руке, [...]

Ты грозно вращала большими глазами,
Была ты вся бледная, словно яйцо²³.

Первозданного высокого смысла лишено и любовное стихотворение *Человек, томим талантом...*, в котором соперничество с Господом в акте творения («Человек, томим талантом, / Бабу снежную слепил / И в стремлении галантном / Эту бабу полюбил / Со словами обращался к ней / И с ней совокуплялся»²⁴) заканчивается полным поражением («Но она стоит одна / Ни гу-гу и холодна / Вьюга злится, вьюга кружит / То над крышею, то низко, / Человек лежит простужен / С отморозенной пиписькой»²⁵). Интимная лирика Гаврильчика — смешна. Она является пародией на творчество классиков, являющихся певцами высоких чувств. Поэт явно провоцирует и рассчитывает на чувство юмора своего читателя, который в профанированных высоких сюжетах найдет ключ к комическому подтексту.

С любовной темой в стихотворениях русского поэта-примитивиста перекликается тема Петербурга. Рожденный в Центральной Азии на южных рубежах только что возникшей тогда Страны Советов, Гаврильчик был ленинградцем по выбору (в этом отношении он напоминал других непетербургских писателей — москвичей Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Федора Достоевского, Андрея Белого или уроженца Полтавской губернии Николая Гоголя — живших в городе на Неве и пытавшихся в своих многочисленных произведениях разгадать его тайны, уловить его суть). После военной службы на ко-

²² Того же, *Японский бог, благословляя землю...*, «Аполлон-77», с. 146.

²³ Того же, *Я прибыл к тебе на предмет поцелуя...*, «Аполлон-77», с. 146.

²⁴ Того же, *Человек, томим талантом...*, «Аполлон-77», с. 146.

²⁵ Там же.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЕРВОЙ...

раблях Гаврильчик попал в северную столицу, где как самоучка развивал свои юношеские интересы в области изобразительного искусства и стихосложения. Примыкая к неофициальным художественным группировкам в течение короткого времени он стал одним из более заметных репрезентантов новой культурной волны. Именно в Ленинграде в 60-е годы прошедшего столетия скрестились творческие пути Гаврильчика и молодого Михаила Шемякина, вместе с другими сторонниками «метафизического синтетизма» основавшего и возглавившего в то время неформальную художественную группу «Петербург»²⁶. Оттуда уезжающий в эмиграцию Шемякин забрал поэтические шутки своего старшего коллеги по перу и кисти, чтобы во второй половине следующего десятилетия включить их в свой альманах «Аполлон-77». Опубликованные там отдельные стихотворения Гаврильчика являются маленькой частью масштабного «Петербургского текста» русской литературы²⁷, который создавал тоже ленинградский нонконформист. Как у Пушкина, вдоль Невы гуляют влюбленные персонажи Гаврильчика (*Шкандыбаю мимо окон...*), как у Гоголя, Невский проспект является местом прогулки косноязычного гаврильчиковского «господина с собачкой» (*Я по Невскому гулялся...*). В городе на Неве виден и слышен тоже «залп лучей молодой Авроры» (*Период захолнца. Пора лирмгновений...*). Петербург Гаврильчика имеет двойственную природу. С одной стороны, в поэтических строфах ощущается его положительное начало, с другой, обнаруживаются его отрицательные качества:

Ни к одному городу в России — пишет Владимир Топоров — не было обращено столько проклятий, хулы, обличений, поношений, упреков, обид, сожалений, плачей, разочарований, сколько к Петербургу, и Петербургский текст исключительно богат широчайшим кругом представителей этого «отрицательного» отношения к городу, отнюдь не исключаящего (а часто и предполагающего) преданность и любовь²⁸.

Историософская рефлексия Гаврильчика спрятана в ироническом авторском слове, скрывающем инфермальную картину

²⁶ A. de Lazari, „*Pochoźdzenija*”, czyli *tulaczki Miszy Szemiakina* // R. Bäcker, Z. Karpus (ред.), *Emigracja rosyjska. Losy i idee*, Ibidem, Łódź 2002, с. 162.

²⁷ В.Н. Топоров, *Петербургский текст русской литературы: Избранные труды*, Искусство-СПБ, Санкт-Петербург 2003.

²⁸ Там же, с. 11.

постреволюционной действительности, изуродовавшей язык и запрограммировавшей мышление человеческой толпы: «Период захсолнца. Пора лирмгновений, / Законные чувства вторгаются в грудь. / С любдевой стою в коллективе растений, / Волнуюсь за родину, гордый чуть-чуть»²⁹.

Художественный мир Гаврильчика немислим без спиртного, вкус и запах которого были хорошо известны как поэту, так и его персонажам. В стихотворении *Мальчик рылом роет книжку...* алкоголь является приятной и одухотворяющей альтернативой учебе, которая полностью лишает сил, не давая никаких положительных результатов («Бедный мальчик с рожей постной / Ты какашка! Ты несносный»³⁰). Если у Венедикта Ерофеева, пьянство является залогом полноценности и полезности для общества («Все ценные люди России, все нужные ей люди — все пили, как свиньи. А лишние, бестолковые — нет, не пили»³¹), то в мире поэзии Гаврильчика оно выполняет похожую функцию. Более того, у ленинградского примитивиста идея *carpe diem* непременно связана с употреблением спиртных напитков, благодаря которым его герои способны обрести настоящее счастье. Поэтому не может удивлять провокационный призыв заменить книгу водкой: «Выпей, мальчик, рюмку водки / И на улицу скорей: / Ты ж мужчина — царь зверей»³². Однако трехстишие, завершающее произведение, насыщено авторской иронией, являющейся одним из самых распространенных художественных приемов поэта. Шутя и провоцируя, Гаврильчик скрывает в пропитанном иронией слове настоящий смысл. Таким образом он разоблачает стереотипные представления о русском национальном характере и маскулинности.

Гаврильчик в своей поэзии создает новый тип лирического персонажа — добродушного обывателя, рассказы которого поражают своей искренностью и непритворностью: «Как-то будучи с похмелья / И немножко утомлен, / Я отправился в аптеку / Покупать пирамидон. / [...] / Фармацевтиха шепнула: „Вам не нужен ли гандон?“ / Я ответил, застеснявшись: / „Дайте мне пирамидон”»³³. Поэт является, при этом, апологетом абсурда,

²⁹ В. Гаврильчик, *Период захсолнца...*, с. 144.

³⁰ Того же, *Мальчик рылом роет книжку...*, «Аполлон-77», с. 145.

³¹ В.В. Ерофеев, *Москва–Петушки. Поэма*, Вагриус, Москва 2000, с. 64.

³² В. Гаврильчик, *Мальчик...*, с. 145.

³³ Того же, *Как-то будучи с похмелья...*, «Аполлон-77», с. 146–147.

примыкая, таким образом, к литературной традиции мастеров слова, объединенных вокруг группы ОБЭРИУ. Исследуя бессмыслицу в творчестве ее ярчайших представителей швейцарский славист Жан-Филипп Жаккар говорит, среди других, о наблюдаемой у Даниила Хармса «ситуационной бессмыслице», характеризующейся «алогичностью человеческих отношений и ситуаций»³⁴. Гаврильчику близок, скорее всего, именно «хармсовский алогизм», ярким примером чего является процитированное выше стихотворение *Как-то будучи с похмелья...*, в котором персонаж спонтанно раскрывает перед читателем сугубо нелепую интимную историю. В его строках заложена и похвала радости жить («И пошел с пирамидоном / В даль, где солнце поднималось / И мое большое сердце / Нежным чувством волновалось»³⁵), восходящей к эпикурейской философии, жизнерадостным сторонником которой был сам поэт. Идея Эпикура, утверждающего, что отсутствие страдания гарантирует настоящее счастье³⁶, проецируется на персонажа Гаврильчика. Запасшийся медикаментами, гарантирующими отсутствие физического страдания, герой поэта осознает временность своего существования, что не мешает ему наслаждаться вечностью и красотой природного мира.

Оптимистичны и строки ерундового карнавального стихотворения *Колбасники, едритвою...*, веселый танцевальный ритм которого распространяется на его богатую повторами структуру. Танцующие краковяк, а потом сидящие в буфете с «румяными как окорок» лицами колбасник и колбасница, заражают оптимизмом и вызывают невольную улыбку у читателей, усталых от «мартирологических» стихотворений мучеников за литературу. Гаврильчик четко осознает, что именно шутка и смех являются формой защиты от распада. Поэтому он создает лирическую ситуацию, насыщенную стихией карнавальности. Неслучайно в художественном мире ленинградского примитивиста королем и королевой карнавала становятся представители рабочего класса, который вместе со своим крестьянским союзником строил новую постоктябрьскую реальность. Образы колбасника, «вившегося как червяк вдоль» колбасницы, напоминают монумент

³⁴ Ж-Ф. Жаккар, *Даниил Хармс...*, с. 121.

³⁵ В. Гаврильчик, *Как-то будучи...*, с. 147.

³⁶ W. Tatarkiewicz, *Historia filozofii*, т. 1: *Filozofia starożytna i średniowieczna*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2002, с. 139.

«рабочего и колхозницы», «оживший» благодаря «мосфильмовскому» кинематографу и непременно ассоциировавшийся с соцреалистическим искусством. Карнавальность стихотворения активизируется тоже на других уровнях, ибо не только веселый краковяк «сошедшихся на карнавал» колбасников является ее залогом. Гаврильчик играет смыслами, возникающими благодаря перемещению бинарных оппозиций. То, что в драматургии Антона Чехова было трагическим предсказанием будущего (достаточно вспомнить прощальный *Вишневый сад*, кладбищенский подтекст которого не оставляет сомнений что ждет русскую культуру), осуществляется в поэзии Гаврильчика. Мастер пера и кисти прямо указывает на своих героев как «новых Лопахиных», уничтоживших старую культуру и оставивших от нее лишь только элементы аристократической речи и одежды: «Колбасник-то колбаснице / Едритвою, едритвою, / Пардон, прошу в буфет / И пара на колбаснике, / Едритвою, едритвою, / Сверкающих штиблет»³⁷. Карнавальная стихия у Гаврильчика имеет однако вневременный характер, поскольку она является составной частью советской реальности, в которой жил и создавал свои произведения ленинградский мастер пера и кисти. Не только в момент карнавальных танцев герои поэта-примитивиста ощущают «освобождение от господствующей правды и существующего строя», а также «отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов»³⁸. Ежедневно они являются танцовщиками карнавальной советской площади, на которой, казалось бы, «непреодолимые барьеры сословного, имущественного, служебного [...] положения»³⁹ исчезли под давлением революционных масс.

Михаил Шемякин, отдавая поэтическому слову Гаврильчика четыре с лишним страницы отредактированного собой тамиздатского литературного альманаха «Аполлон-77», сделал голос ленинградского примитивиста слышным за пределами советской России. Несмотря на небольшое количество опубликованных стихотворений, в сознании читателей могло сформироваться представление об особенностях литературного творчества

³⁷ В. Гаврильчик, *Колбасники, едритвою...*, «Аполлон-77», с. 148.

³⁸ М.М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, Художественная литература, Москва 1990, http://www.info-lib.info/philol/bahtin/rublero_1.html (6.04.2019).

³⁹ Там же.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЕРВОЙ...

Гаврильчика, развивавшегося и перекликавшегося с его активностью в рамках неформального изобразительного искусства. Напечатанные в шемякинском издательском проекте произведения, являются показательными для лирики поэта-живописца в целом, поскольку в них проявляются основные художественные тенденции, свойственные его поэтической лаборатории. Всеохватывающая стихия смеха, вызванная абсурдными сюжетами и сказовым словом, ориентация на детский инфантильный фольклор, как прочную ритмическую и стилистическую основу многочисленных стихотворений, авторская трактовка знаковых для русской литературы алкогольных и любовных мотивов, использование пародии и иронии, как самых распространенных художественных приемов — все это выделяет неподцензурную лирику Гаврильчика на фоне других литературных явлений застойного времени.

BIBLIOGRAFIA

- Apanowicz, Franciszek. "Nowa proza" Warłama Szalamowa. *Problemy wypowiedzi artystycznej*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1996.
- Bakhtin, Mikhail. *Tворчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 14 May 2019 <http://www.infoliolib.info/philol/bakhtin/rublero_1.html> [Бахтин, Михаил. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: Художественная литература, 1990].
- De Lazari, Andrzej. "Pochoźdzenia", czyli tułaczki Miszy Szemiakina." *Emigracja rosyjska. Losy i idee*. Łódź: Ibidem, 2002.
- Epshteyn, Mikhail. "Katalog nowych poezji". *Sovremennaya russkaya poeziya posle 1966. Dvuyazychnaya Antologiya*. Berlin: Oberbaum verlag. 14 May 2019 <<http://modernpoetry.ru/main/mikhail-epshteyn-katalog-novykh-poezii>> [Эпштейн, Михаил. "Каталог новых поэзий". *Современная русская поэзия после 1966. Двухязычная Антология*. Берлин: Обербаум верлаг, 1990].
- Gavril'chik, Vladlen. "Ya po Nevskomu gulyalsya...". *Apollon-77*. 147. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Гаврильчик, Владлен. "Я по Невскому гулялся...". *Аполлон-77*. 147. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Gavril'chik, Vladlen. "Byla zima! Shumela yel'...". *Apollon-77*. 144. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977 [Гаврильчик, Владлен. "Была зима! Шумела ель...". *Аполлон-77*. 144. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Gavril'chik, Vladlen. "Chelovek, tomim talantom...". *Apollon-77*. 146. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Гаврильчик, Владлен. "Человек, томим талантом...". *Аполлон-77*. 146. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Gavril'chik, Vladlen. "Kak po moryu sinemu...". *Apollon-77*. 147. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Гаврильчик, Владлен. "Как по морю синему...". *Аполлон-77*. 147. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].

- Gavril'chik, Vladlen. "Kak-to buduchi s pokhmel'ya...". *Apollon-77*. 147. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Гаврильчик, Владлен. "Как-то будучи с похмелья...". *Аполлон-77*. 147. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Gavril'chik, Vladlen. "Kolbasniki, yedritvoyu...". *Apollon-77*. 148. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Гаврильчик, Владлен. "Колбасники, едритвою...". *Аполлон-77*. 148. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Gavril'chik, Vladlen. "Mal'chik ryлом royet knizhku...". *Apollon-77*. 145. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Гаврильчик, Владлен. "Мальчик рылом роет книжку...". *Аполлон-77*. 145. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Gavril'chik, Vladlen. "Molodyye organizmu...". *Apollon-77*. 145. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Гаврильчик, Владлен. "Молодые организмы...". *Аполлон-77*. 145. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Gavril'chik, Vladlen. "Period zakhsolntsa. Pora lirmgnoveniy...". *Apollon-77*. 145. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Гаврильчик, Владлен. "Период захолнца. Пора лирмгновений...". *Аполлон-77*. 145. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Gavril'chik, Vladlen. "Slon, kak salon-vagon...". *Apollon-77*. 145. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Гаврильчик, Владлен. "Слон, как салон-вагон...". *Аполлон-77*. 145. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Gavril'chik, Vladlen. "Spetsstikhi". *Apollon-77*. 144. Red. Mikhail Shemyakin. Parizh, 1977. [Гаврильчик, Владлен. "Спецстихи". *Аполлон-77*. 144. Ред. Mikhail Шемякин. Париж, 1977].
- Gavril'chik, Vladlen. "Ya pribyl k tebe na predmet potseluya...". *Apollon-77*. 146. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Гаврильчик, Владлен. "Я прибыл к тебе на предмет поцелуя...". *Аполлон-77*. 146. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Gavril'chik, Vladlen. "Yaponskiy bog, blagoslovlyayazemlyu...". *Apollon-77*. 146. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Гаврильчик, Владлен. "Японский бог, благословляя землю...". *Аполлон-77*. 146. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Gavril'chik, Vladlen. "Vdol' po ulicam gulayu ...". *Apollon-77*. 145. Ed. Mikhail Mikhail Šemâkin. Parizh, 1977. [Гаврильчик, Владлен. "Вдоль по улицам гуляют ...". *Аполлон-77*. 145. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Kasack, Wolfgang. *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku od poczâtku stulecia do roku 1996*. Transl. Bronisław Kodzis. Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1996.
- Klimowicz, Tadeusz. *Przewodnik po współczesnej literaturze rosyjskiej i jej okolicach (1917–1996)*. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1996.
- Lermontov, Mikhail. "Smert' poeta". *Stikhotvoreniya. Poemy. Geroy nashego vremeni*. Moskva: AST-LTD, 1997. [Лермонтов, Михаил. "Смерть поэта". *Стихотворения. Поэмы. Герой нашего времени*. Москва: АСТ-ЛТД, 1997].
- Maksimov, Vladimir. "Orbita Apollona-77". *Apollon-77*. 3. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Максимов, Владимир. "Орбита Аполлона-77". *Аполлон-77*. 3. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Novikov, Vladimir. *Kniga o parodii*. Moskva: Sovetskiy pisatel', 1989. [Новиков, Владимир. *Книга о пародии*. Москва: Советский писатель, 1989].
- Petrov, Vladimir. "On iz drevnego roda Rasputinykh...". *Apollon-77*. 143. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Петров, Владимир. "Он из древнего рода Распутиных...". *Аполлон-77*. 143. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЕРВОЙ...

- Petrov, Vladimir. "V poryadke informatsii". *Apollon-77*. 4–7. Red. M. Shemyakin. Parizh, 1977. [Петров, Владимир. "В порядке информации". *Аполлон-77*. 4–7. Ред. М. Шемякин. Париж, 1977].
- Tatarkiewicz, Władysław. *Historia filozofii. Tom pierwszy. Filozofia starożytna i średniowieczna*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2002.
- Toporov, Vladimir. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannyye trudy*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 2003 [Топоров, Владимир. *Петербургский текст русской литературы: Избранные труды*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2003].
- Yerofeyev, Venedikt. *Moskva-Petushki. Poeta*. Moskva: Vagrius, 2000 [Ерофеев, Венедикт. *Москва-Петушки. Поэма*. Москва: Вагриус, 2000].
- Zhakkar, Zhan-Filipp. Daniil Kharms i konets russkogo avangarda, translated by F.A. Perovskaya. Sankt-Peterburg: Akademicheskuy proyekt, 1995. [Жаккар, Жан-Филипп. *Даниил Хармс и конец русского авангарда*, перевод с французского Ф.А. Перовской. Санкт-Петербург: Академический проект, 1995].

Bartosz Osiewicz

KILKA SŁÓW O PIERWSZEJ TAMIZDATOWSKIEJ PUBLIKACJI WIERSZY WŁADLENA GAWRILCZIKA

Streszczenie

W 1977 roku w Paryżu został opublikowany almanach literacki «Аполлон-77» („Apollo-77”), którego redaktorem był rosyjski malarz i rzeźbiarz emigracyjny Michaił Szemiakin. Wśród wielu utworów literatów zakazanych w Rosji sowieckiej, znalazło się w nim 20 wierszy „klasyka leningradzkiego nonkonformizmu” — Władlena Gawrilczika (1929–2017). Niniejszy artykuł stanowi próbę ich analizy. Opublikowane w paryskim almanachu wiersze Gawrilczika świadczą o podążaniu przez poetę drogą awangardowej tradycji literackiej. Dowodzą, że twórca obficie czerpie z folkloru dziecięcego, umiejętnie posługuje się skazem, ironią i sztuką parodii, wywołując śmiech czytelników.

Bartosz Osiewicz

A FEW WORDS ABOUT THE FIRST TAMIZDAT PUBLICATION OF POEMS BY VLADLEN GAVRILCHIK

Summary

In 1977 in Paris, the literary almanac «Аполлон-77» was published, the editor of which was a Russian painter and sculptor Mikhail Shemiakin. Among many works of writers banned in Soviet Russia, there were 20 poems of the “classic of Leningrad nonconformity” — Vladlen Gavrilchik (1929–2017). This article is an attempt to analyze them. Gavrilchik’s poems published in the Parisian almanac show his journey through the avant-garde literary tradition. Moreover, they prove that the artist profusely draws from children’s folklore, skilfully uses flaws, irony and parody, evoking the laughter of his readers.